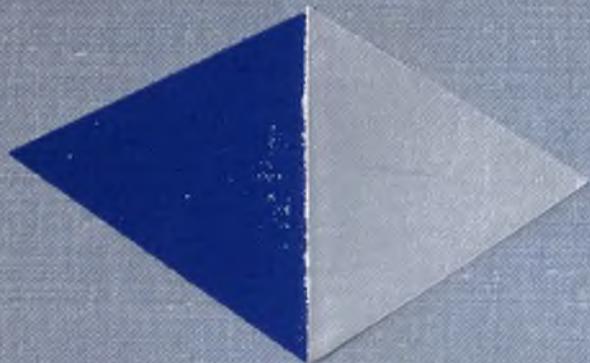

33 кат.

I 837579

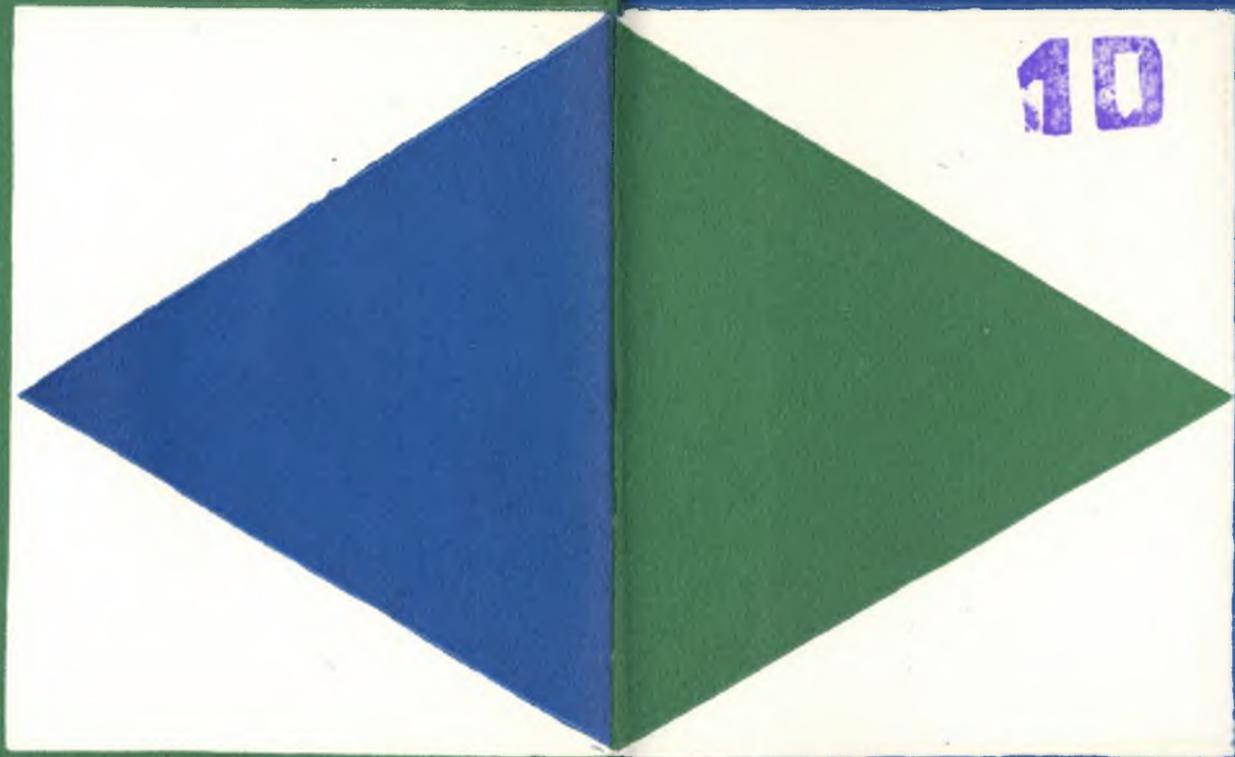
СЕРГЕЙ ОРЛОВ

СЕРГЕЙ ОРЛОВ

СТИХОТВОРЕНИЯ

ИЗДАТЕЛЬСТВО СОВЕТСКИЙ ПИСАТЕЛЬ

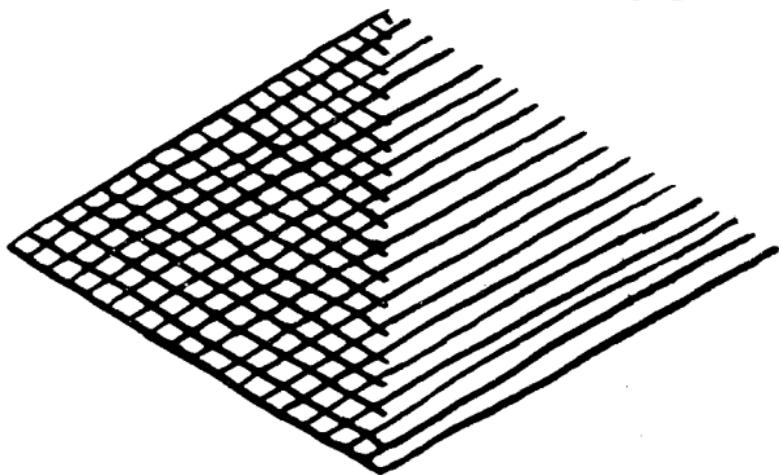

МОСКВА ДЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА
1976

ПОЭТИЧЕСКАЯ
БИБЛИОТЕЧКА
ШКОЛЬНИКА

СЕРГЕЙ ОРЛОВ

СТИХОТВОРЕНИЯ

Москва «Детская литература» 1976

РЭ
О-66

Рисунки
В. Андриенкова

О $\frac{70803-554}{M101(03)76}$ 306-76

© Состав, статья, иллюстрации.
ИЗДАТЕЛЬСТВО „ДЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА“, 1976 г.

ОБ АВТОРЕ

Летом 1943 года на Смоленщине за крутым поворотом дороги, огибавшей овраг, открылось перед нами очередное выжженное войной поле. На склоне холма неподалеку друг от друга застыли три наших танка — навек окаменевшая волна отчаянной атаки, а под ними, как мертвые змеи, лежали раздавленные вражеские окопы.

Войска уходили вперед, на запад, и танки смотрели им вслед, как три богатыря, вырвавшие трудную победу.

И хотя автор книги, которую вы держите в руках, Сергей Орлов, воевал совсем не там и не там горел в своей машине, эта картина сразу встала в памяти, когда я перечитывал его стихи.

Ведь в них поистине до сих пор «пылит, сверкает и гремит денечек фронтовой», продельывает труднейшие марш-броски, греется у костров, ходит в атаки «полк гвардейский, Мгинский, тридцать третий». Теперь это кажется таким же далеким, как сказочные тридцать три богатыря. И среди этих «богатырей» «мальчишка, искра грозной бури», сам автор, «Гомер гвардейского полка», как шутливо скажет десятилетия спустя Сергей Орлов, рассматривая старую фронтовую фотографию.

Шутка шуткой, но ему и впрямь посчастливилось оказаться правдивым историком тех дней. В не-

давние годы, размышляя о нелегкой участи старинных летописцев, которым приходилось писать историю с постоянной оглядкой, поэт сказал:

И может, только в строчке или в слове...
Она нальется в черных буквах кровью
И солью пота издали блеснет.

(«История»)

Что же касается «Илиады», сложившейся из коротких лирических стихов лейтенанта-танкиста о людях, сражавшихся на знаменитой и трагической полоске под Ленинградом — Невской Дубровке, под Карбуселью и Мгой, тут слова все в ожогах, как выбравшийся из горячей машины танкист; они вибрируют дрожью ринувшейся вперед знаменитой «тридцатьчетверки», яростью, гневом, скорбью людей, припавших там к прицелу и рычагам. Прочитайте хотя бы стихи «Поутру, по огненному знаку...», и вы ощутите это сами.

Может быть, самое известное стихотворение Сергея Орлова — это:

Его зарыли в шар земной,
А был он лишь солдат,
Всего, друзья, солдат простой,
Без званий и наград.
Ему как мавзолеей земля —
На миллион веков...

(«Его зарыли в шар земной...»)

Без этого стихотворения не может обойтись даже самая краткая антология советской поэзии.

Благодарная память о скромных бугорках солдатских могил, этих горестных вешках на тяжком пути к победе, — вообще примечательная и драгоценная черта советской поэзии (вспомним хотя бы с том, как постоянно возвращался к этой теме Александр Твардовский!). Сергей Орлов тоже верен ей с первых фронтовых своих стихов:

На закате окончился танковый бой.
Грохотали моторы,
Вдали догорали «пантеры»...
Прокатилась
По синему небу
Над черной землей
И упала
На столбик сосновый
Звезда из фанеры...

(«После боя»)

Звезда как надгробье, земной шар — мавзолеем или, уже в недавних сравнительно стихах, солдатский обелиск, похожий на земную ось, — все это образы одного ряда, заставляющие нас ощутить высокий непреходящий смысл совершенного подвига.

Так скромное, казалось бы, воспоминание о будничном солдатском привале, одном из множества

пережитых за войну, когда «есть охота, очень спать охота», неожиданно и грандиозно преобразается:

Каждый год в честь вас гремит салют,
Тени гаснут, облака цветут—
В небе пламя плещется костра
Вити, Коли, Саши и Петра.

(«Витька, Коля, Саша и Петро...»)

Чтобы увидеть этот дальний отблеск в огнях праздничного салюта, надо действительно быть «Гомером гвардейского полка», остро помнящим все до мельчайших подробностей, вроде того, как танкисты делят хлеб, «в ладонь с брони сгребая крошки, промерзшие, как серебро».

Последняя деталь не только удивительно точна живописно, но еще и открывает в этих отчаянных ребятах сыновей и внуков истовых работников, русских земледельцев, привыкших с великим уважением и бережностью относиться к плодам человеческого труда.

Сергей Орлов родом с Вологодчины. Там, еще школьником, написал он веселые и добрые стихи (первым их тогда заметил Корней Чуковский) о «чушке-тыкве», нежащейся под солнцем, не столь уж частым гостем в этих северных краях. И в

образ Родины, встающий во «взрослых» стихах поэта, неизменно вплетаются милые его сердцу приметы: «родные белозерские березы», «мокрый причал» и «живая вода» Шексны («Снял пилотку, умылся речной водой — был седой, а стал молодой»), сказочный облик «старинного града, райцентра Кириллова» с «солнышками ручной работы» — куполами, открывшийся в детстве с косогора, и «ситцевый ветер веселья» на дорожках городского сада, откуда «мы песню про синий платочек на память с собой унесли».

Поэт не скрадывает ни суровости этого северного быта, где трудовой пот «тяжелей зерна» (но недаром в другом стихотворении говорится: «мир озаряют светом капли пота!»), ни горечи перенесенных Родиной утрат, когда многим сверстникам автора из всего счастья любви «взахлеб... достался одной лишь разлуки до сих пор не прошедший озноб»:

Самые отважные солдаты
Были те, что не пришли домой,
В День Победы, в мае, в сорок пятом,
Став навеки родиной самой.
Как редело наше поколение —
Звездам в небе гаснувшим сродни, —
Знают только русские селенья,
Города да матери одни.

(«Самые отважные солдаты...»)

Может быть, поэтому еще так остро проступает в стихах Сергея Орлова последних лет ощущение своего гражданского долга — быть достойным павших друзей, не отступаться с достигнутой некогда высоты, оставаться и впредь тем же юным и отважным гвардии лейтенантом, который вместе с товарищами смело стоял за все дорогое сердцу:

Как он там в огне ревущем верит
В мирного, далекого меня!

. ,
Надо встать, и скинуть полушубок,
И нащупать дырки на ремне.
Встать, пока еще не смолкли трубы
В сердце, как в далекой стороне.
Далеко не все добыты доты.
Время хлещет тяжело, люто, зло...

(«Мой лейтенант»)

И снова у меня перед глазами смоленское поле,
и надо идти вперед, все вперед, под благословляющим взглядом тех, кто вместе с нами добывал победу.

А. Турков

ТЫКВА

В жару растенья никнут,
Бегут от солнца в тень.
Одна лишь чушка-тыква
На солнце целый день.

Лежит рядочком с брюквой,
И кажется, вот-вот
От счастья громко хрюкнет
И хвостиком махнет.

1938

Всплошную голубым узором
Мороз разрисовал окно.
Темно становится, и скоро
Зажгут огни. Пора б давно...

Сверчок скрипит в углу за печкой,
А я глаза закрою вдруг,
И мне покажется — кузнечик
Трубит на весь в ромашках луг.

Качнутся легкие березы,
Как луг, запахнет старый дом.
Но это мать вошла с мороза,
Внесла подойник с молоком...

1939

Светлый север, лес дремучий
В узорочье, в серебре...
Как медведи, в небе тучи
Черно-буры на заре.

Ели — словно колокольни,
Тишина, как спирт, хмельна,
И из трав встает над полем
Рыжим филином луна.

Пенье весел, скрип уключин,
Рокот журавлиных стай...
Не скажу, что — самый лучший,
А милей всех сердцу край!

1939

ОСЕНЬ

Широким журавлиным клином
Последний выбит летний день.
Погреться у костров рябины
Сошлись избушки деревень.

Тоска, дожди, туман и слякоть,
Глубокой осени пора...
Как будто мир сошлись оплакать
Кричащие в полях ветра.

Над красноватым эшелонном
Дымки — прощальные платки...
Мелькают в глубине вагонов
Шинели серые, штыки...

Под ветром шелестит березник,
Ему последний лист ронять...
И женщина у переезда —
Солдатская, должно быть, мать —

На поезд смотрит без движенья,
Подняв ко рту конец платка.
В глазах ее — благословенье
И древняя, как мир, тоска...

Ой вы, дороги верстовые
И деревеньки по холмам!
Не ты ли это, мать Россия,
Глядишь вослед своим сынам?

1942

ИРЛАНДСКАЯ ЗАСТОЛЬНАЯ

**В землянке патефон поет
Застольную баском,
Окопный слушает народ,
Собравшись за столом.**

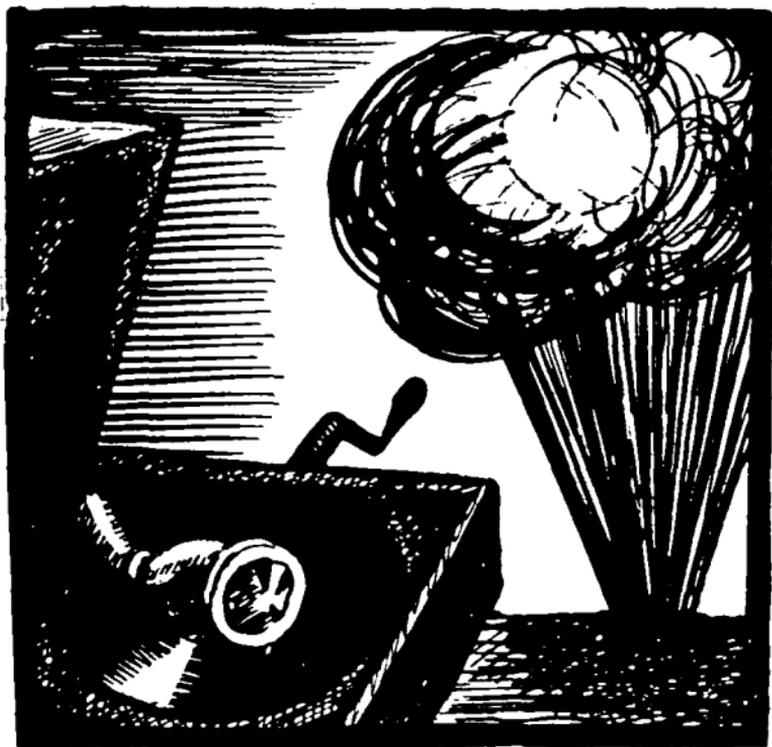
**Издаюка в края войны
Пришла печаль сюда...
Поет сынам чужой страны,
И скорбна и горда...**

**Поет подряд, который раз —
Уже не сосчитать:
«Миледи смерть, мы просим вас
За дверью подождать...»**

**Шипит и молкнет черный диск,
Гремит война вокруг.
За дверью слышен мины визг
И в дверь — осколков стук.**

Но тут же кто-то встал из нас
И начал напевать:
«Миледи смерть, мы просим вас
За дверью подождать!..»

1943

КОСТЕР

В перелеске давно рассвело,
Мы костер разложили с утра.
Хорошо нам сидеть у костра,
Забирая горстями тепло.

Это очень похоже на дом,
Можно, сидя на хвое, вздремнуть...
И танкист задремал над огнем,
Улыбаясь устало, чуть-чуть.

Он сидел на разбитой сосне,
Улыбаясь сквозь пламя костра...
Знать, привиделась парню во сне
Золотистого лета пора;

Дом знакомый, тропинка к нему,
В палисаде рябина да клен,
И девчонка как песня в дому —
Та, в которую парень влюблен...

Но сигнал пролетел над леском:
Звали нас боевые пути...
И поднялся уже над огнем
Паренек, воротник опустив.

Он спросил, как обычно: «Пора?»
Под ногами взметнулась зола,
И к машине ушел от костра,
Зачерпнув на дорогу тепла...

1943

*Матери,
Екатерине Яковлевне*

Погадай мне в этот вечер,
Нагадай червонный дом,
С незнакомой дамой встречу,
В брюках, в ватнике, с ремнем.
Может, с картами согласно,
В чаше рыжей, в тьме ночной
Огонек забрезжит ясный,
Словно в сказке, предо мной.

И скажу я: «Стань, избушка,
Передом... Наедине
Не тебя ли мать-старушка
Нагадала в карты мне?»
Хорошо в лесной землянке
Сапоги у печки снять,
Стукнуть, так сказать, по банке,
Завалиться на ночь спать.

Но вокруг лишь тьма ночная,
Дождь стекает по броне,

Да «Калугу» вызывает
Мой стрелок-радист во сне...
«Ни огня, ни темной хаты»
В карты старенькие, зная,
Пам, неверящим солдатам,
Мать не сможет нагадать...

1943

ЗЕМЛЯНКА

Осточертелая землянка,
Знакомо все наперечет:
Солдат усталых перебранка,
Песок за шиворот течет.

У входа стукнешься затылком
О слишком низкий потолок,
Дымят печурка и коптилка,
На бревнах сажи на вершок.

Рубахи сняв и гимнастерки,
Дружки над печкой их трясут,
Портянок запах и махорки —
Знакомый фронтовой уют.

Но и такой он нам, бывает,
Когда грохочет долгий бой,
Покажется солдатским раем,
Поэта золотой мечтой.

1943

О СЧАСТЬЕ

Сейчас бы закурить одну
На экипаж на весь сигарку,
По очереди дым тянуть,
Чтоб губы обжигало жарко.

Потом разуться у костра
И просушить свои портянки,
Потом забраться до утра
И дрыхнуть на сиденье в танке.

А утром с кашей из полка
Из дома принесли б открытку...
Для счастья мне всего пока
Довольно этого с избытком.

1943

КАРБУСЕЛЬ

*Памяти товарищей,
погибших под Карбуселью*

Мы ребят хоронили в вечерний час.
В небе мартовском звезды зажглись...
Мы подняли лопатами белый наст,
Вскрыли черную грудь земли.

Из таежной Сибири, из дальних земель
Их послал в этот край народ,
Чтобы взять у врага в боях Карбусель
Средь глухих ленинградских болот.

А была эта самая Карбусель —
Клок снарядами взбитой земли.
После бомб на ней ни сосна, ни ель,
Ни болотный мох не росли...

А в Сибири в селах кричат петухи,
Кедрачи за селом шумят...
В золотой тайге на зимовьях глухих
Красно-бурые зори спят.

Не увидеть ребятам высоких пихт,
За сохатым вслед не бродить.
В ленинградскую землю зарыли их,
Ну, а им еще б жить да жить!..

Прогремели орудия слово свое,
Иней белый на башни сел.
Триста метров они не дошли до нее...
Завтра мы возьмем Карбусель!

1943

ПЕРЕД НАСТУПЛЕНИЕМ

За нами где-то по дорогам тыла
Шли танки и машины по ночам.
Пехота, растянувшись, подходила
И молча рассыпалась по лесам.
А здесь в окопах, на переднем крае,
Была такая всюду тишина, —
Казалось нам, оглохшая, слепая,
Устав от шума, спать легла война.
На солнцепеке улеглась на бруствер,
На срезанную минами траву...
Солдаты брились, пели песни грустно,
Писали письма в Киров и Москву.
Нас все же — необычная, большая —
Тревожила знакомостью она,
Пока мы не припомнили: бывает
Перед грозой такая тишина...

1943

ПЕСЕНКА

Нам не страшно умирать,
Только мало сделано.
Только жаль старушку мать
Да березку белую!

Что не сделал, то друзья
За меня доделают.
Расцветет, где лягу я,
Цвет-березка белая.

Только кто утешит мать
В день, когда долинная
Будет Русь сынов встречать, —
Кто заменит сына ей?

Кто откроет, как всегда,
В дом к ней дверь широкую?
Кто обнимет мать тогда,
В праздник, одинокую?

1943

ПЫЛЬ

Песок горячий на зубах,
Пыль на траве и тяжесть зноя,
И невысокий куст зачах
От пыли каменного слоя.

Всё по краям пути в пыли,
Дорога сбита до обочин.
Нет, не века по ней прошли,
А только две военных ночи.

1944

Ночь бела, закат идет в рассвет.
Отсвет звезд на башнях громобойных
Из далекой тьмы прошедших лет
Светит нам через года и войны.
Он сиял, быть может, тем войскам
Боевым на поле Куликовом,
По шеломам и стальным щитам,
За Непрядвой, от зари багровой.
Может, где-нибудь зажглась звезда,
Свет ее идет из дымной дали
И дойдет к земле через года.
На какой он засияет стали?..

1944

СМОТРОВАЯ ЩЕЛЬ

В машине мрак и теснота.
Водитель в рычаги вцепился...
День, словно узкая черта,
Сквозь щель едва-едва пробился.

От щели, может, пятый час
Водитель не отводит глаз.

А щель узка, края черны,
Летят в нее песок и глина,
Но в эту щель от Мги видны
Предместья Вены и Берлина.

1944

КУКУШКА

Кукушка куковала на рассвете,
А лесом шла железная страда...
Мы знали, многим жизнь на белом свете
Уже не исчислялась на года.

Но все-таки кукушку мы спросили —
В приметы верят люди на войне, —
И вот по двадцать лет провозгласила
Нам здравствовать кукушка в тишине.

И про себя подумали солдаты:
«Когда наступят тишь и мир кругом,
Мы, может, до годов шестидесятих
По предсказанью птицы доживем».

Но вслух никто не вымолвил про это,
Шли молча, пригибая краснотал...
«Какая все же глупая примета», —
Один из нас насмешливо сказал.

Но думал каждый: «Доживу, возможно,
Не всех людей хоронят на войне,
И эти двадцать лет в лесу тревожном
Пакуковала птица только мне».

1944

ДРУЖБА

Ее начало — в танке тесном,
Где все делилось пополам,
Как черный хлеб, вино и песни,
Необходимые бойцам.
О ней, негромкой и суровой,
В огне проверенной стократ
И освещенной алой кровью,
Солдаты вслух не говорят.
Ей клятв о верности не нужно,
Она, такая, выше их.
Солдатская простая дружба —
Как папираса на двоих...

1944

**Песня — что-то вроде костра,
Золотому огню сестра...**

**Соберет она на привале
В тесный круг на лугу солдат
И, подвластная запевале,
Грянет в небо, гармони в лад.**

**Вот солдаты идут на песню,
Как на светлый огонь костра...
Никому у нее не тесно
И не холодно до утра.**

**Отогрели сердца, как руки,
И легко нам и хорошо...
Пусть четыре года разлуки —
Мы, друзья, подождем еще.**

Пусть греметь на пути пожарам
И смертям не стихать... Пройдем!
Ведь поется в песне недаром
О хорошей встрече потом....

1944

НА МАРШЕ

Пыль позади на сотни метров,
Песок скрипучий на зубах,
Машины дышат жарким ветром,
И рычаги горят в руках.

Прилечь бы на траве сожженной,
Хоть на обочине, в пыли,
Уснуть, не сняв комбинезона,
Из рта не выплюнув земли...

А мы спешим, спешим на запад,
Как будто там, где пушки бьют,
Прохлады тополиный запах
И долгий отдых выдают...

Ревут моторы на подъемах,
Дрожит, покачиваясь, лес...
Идут машины, словно громы,
Сошедшие с крутых небес.

Колышется под ними лето,
От ветра клонятся кусты...
И молнии лежат в кассетах,
Из меди звонкой отлиты!

1944

ПОСЛЕ МАРША

Броня от солнца горяча,
И пыль похода на одежде.
Стянуть комбинезон с плеча —
И в тень, в траву, но только прежде

Проверь мотор и люк открой:
Пускай машина остывает.
Мы всё перенесем с тобой —
Мы люди, а она стальная...

1944

ПРОЩАНИЕ С ЗЕМЛЯНКОЙ

А мы в землянке обжились
И называем нашим домом,
Как будто в ней живем всю жизнь
И жизнь иная незнакома,
Как будто нары в два ряда,
Скрипучий стол — стоят от века,
И не придумать никогда
Жилья иного человеку.
А нынче мы бросаем дом...
Чтоб масло разогреть и воду,
В костре столы и нары жжем,
Машины на ветру заводим.
Мы не вернемся вновь назад:
Мы этот день два года ждали.
Ракеты к западу летят,
Зовут грохочущие дали.
Мы рады покидать свой дом.
Прощай, землянка, мы уходим!
Пусть зарастает лопухом
Тропинка торная при входе...

1944

Поутру, по огненному знаку,
Пять машин КВ ушло в атаку.
Стало черным небо голубое.
В полдень приползли из боя двое.
Клочьями с лица свисала кожа,
Руки их на головни похожи.
Влили водки им во рты ребята,
На руках снесли до медсанбата,
Молча у носилок постояли
И ушли туда, где танки ждали.

1944

Идут солдаты, от сапог
До плеч беды в пыли,
Среди исхоженных дорог
По лону всей земли.

Деревья шелестят в лесах,
Звенит в ручье волна,
Звезда мерпает в небесах
Им по ночам одна.

Всегда одна, всегда одна
Средь фронтовых ночей.
Всегда видна, всегда видна
В пять пламенных лучей.

1944

Его зарыли в шар земной,
А был он лишь солдат,
Всего, друзья, солдат простой,
Без званий и наград.
Ему как мавзолеей земля —
На миллион веков,
И Млечные Пути нылят
Вокруг него с боков.
На рыжих скатах тучи спят,
Метелицы метут,
Грома тяжелые гремят,
Ветра разбег берут.
Давным-давно окончен бой...
Руками всех друзей
Положен парень в шар земной,
Как будто в мавзолеей...

1944

АТАКА НА РАССВЕТЕ

Заря сверкнула над равниной —
И вот фашисты наугад,
По солнцу, мина вслед за миной,
Как очумелые палят.

Они палят, палят с заката...
Но солнце расстрелять нельзя,
И умолкают автоматы,
И тишина встает, грозя.

И мы встаем несметной силой,
Штыками раздвигая тьму,
Как бы дорогу для светила
Прокладывая в злом дыму.

1944

**Вот человек — он искалечен,
В рубцах лицо. Но ты гляди
И взгляд испуганно при встрече
С его лица не отводи.**

**Он шел к победе, задыхаясь,
Не думал о себе в пути,
Чтобы она была такая:
Взглянуть — и глаз не отвести!**

1945

Облако за месяц зацепилось,
За рекой кричали поезда.
Ничего такого не случилось,
Только грусть пропала без следа.

Просто захотелось оглянуться,
Постоять у моста, у воды,
До неба тростинкой дотянуться,
Прикурить сигарку от звезды.

Услыхать травы произрастанье,
Трепет заполуночных планет
И еще того, чему названья
В нашем языке, пожалуй, пет...

1945

ДЕРГАЧ

Зацвели за Вологдою ивы,
Вскрылась полноводная Шексна.
В эти дни меня зовет призывно
В отчий край раздольная весна.

В тонкий ствол оттаявшей рябины
Прянул сок могучею струей,
Из Египта устремились клином
Журавли горластые домой.

И бежит через края чужие
Все пешком домой дергач, пешком,
По земному шару всё в Россию —
Тонкий, голенастый, хвост торчком...

1915

НА ПРИВАЛЕ

Как из камня высечены сталью,
От сапог до самых плеч в пыли,
Разметавшись молча на привале,
Спят солдаты посреди земли.

А от них налево и направо
Зарева полощутся во мгле,
Догорает грозная держава
В свежей ржави, в пепле и золе.

Батареи издали рокочут,
Утопают города в дыму,
Падают разорванные в клочья
Небеса нерусские во тьму.

Но спокойно за пять лет впервые
Спят солдаты посреди огней,
Потому что далеко Россия —
Даже дым не долетает к ней!

1945

Да, не поле перейти —
Жизнь прожить. А если в поле
Гром снарядов на пути
И огонь на суходоле,

Щели черные траншей,
В ржавой проволоке травы,
В перелеске батарей
Длинные стволы направо,

Метров восемьсот пути
Под огнем косоприцельным, —
И по полю перейти
В жизни стало главной целью?..

Скажешь, глянув на звезду,
Что сквозь тучи светит скудно:
«Если поле перейду,
Будет жизнь прожить не трудно...»

1945

У СГОРЕВШЕГО ТАНКА

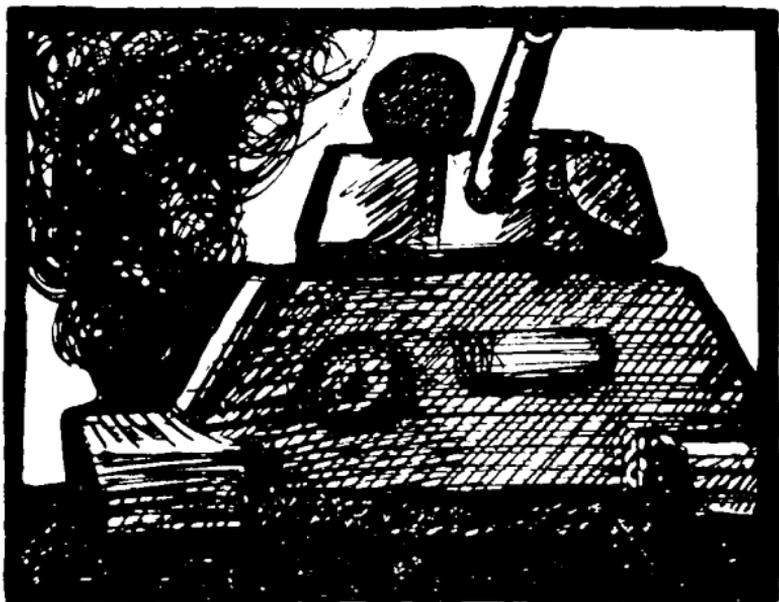
Бронебойным снарядом
Разбитый в упор лобовик,
Длинноствольная нушка
Глядит немигающим взглядом
В синеву беспредельного неба...
Почувствуй на миг,
Как огонь полыхал,
Как патроны рвались и снаряды,

Как руками без кожи
Защелку искал командир,
Как механик упал,
Рычаги обнимая,
И радист из ДТ
По угрюмому лесу пунктир
Прочертил,
Даже мертвый
Крючок пулемета сжимая.

На кострах умирали когда-то
Ян Гус и Джордано Бруно,

Богохульную истину
Смертью своей утверждали...
Люк открой и взгляни в эту башню,
Где пусто, черно...
Здесь погодки мои
За великую правду
В огне умирали!

1945

А мы такую книгу прочитали...
Не нам о недочитанных жалеть.
В огне багровом потонули дали
И в памяти остались пламенеть.

Кто говорит о песнях недопетых?
Мы жизнь свою, как песню, пронесли.
Пусть нам теперь завидуют поэты:
Мы всё сложили в жизни, что могли.

Как самое великое творенье
Пойдет в века, переживет века
Информбюро скупое сообщенье
О путь-дороге нашего полка...

1945

I

Руками, огрубевшими от стали,
Писать стихи, сжимая карандаш.
Солдаты спят — они за день устали,
Храпит прокуренный насквозь блиндаж.
Под потолком коптилка замирает,
Трещат в печурке мокрые дрова...
Когда-нибудь потомок прочитает
Корявые, но жаркие слова
И задохнется от густого дыма,
От воздуха, которым я дышал,
От ярости ветров неповторимых,
Которые сбивают наповал.
И, не выдавший горя и печали,
Огнем не прокаленный, как кузнец,
Он предкам позавидует едва ли,
Услышав, как в стихах поет свинец,
Как дымом пахнет все стихотворенье,
Как хочется перед атакой жить...
И он простит мне в рифме прегрешенье...
Он этого не сможет не простить.

II

Пускай в сторонку удалится критик:
Поэтика здесь вовсе ни при чем.
Я, может быть, какой-нибудь эпитет —
И тот нашел в воронке под огнем.
Здесь молодости рубежи и сроки,
По жизни окаянная тоска...
Я порохом пропахнувшие строки
Из-под обстрела вынес на руках...

1945

У огня своя архитектура:
Пламени готические башни,
Дыма голубые купола...
Где я видел странные фигуры?
Вспоминал их у костра на пашне,
Но и память вспомнить не могла.
Может, за Варшавою костелы?..
Может, церкви белые в Софии?..
Или, может, это наши села
Догорали в трудный год в России?..

1947

**Человека осаждают сны —
Смутные видения войны.
Он хрипит, ругается и плачет
В мире абсолютной тишины.**

**Очень тихо тикают часы.
Стрелок фосфорических усы.
Он лежит — седой и одинокий —
Посреди нейтральной полосы.**

**Светом алюминиевым ракеты
Догорают, и грохочет гром.
Время меж закатом и рассветом
Человек проводит под огнем.**

1947

ЖЕРЕБЕНОК

В день ярмарочный на площади
Отстал стригунок от лошади.
Его напугала сутолока
Людей, машин и телег.
Он в страхе на все натывается,
Копытца врозь разъезжаются...
Наверное, кажется, глупому:
Останется здесь навек.

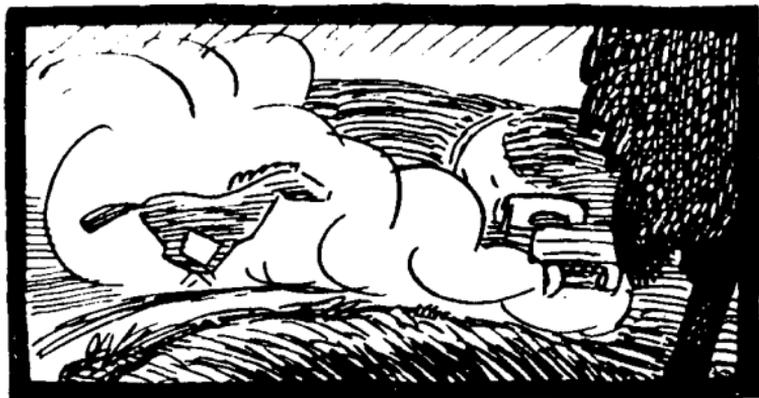
Среди помидор раскаленных,
Лука клинков зеленых,
Среди поросячьего визга,
Летящего из корзин,
Среди пиджаков да жакеток,
Да разных сокровищ лета
Ему не найти дорогу —
Куда побежишь один?

Но тут, раздвигая в стороны
Всю ярмарку разом поровну,

Бензином и полем пахнувший,
Пофыркивая, напрямик,
Обрызганный, пропыленный,
На шинах с травой зеленой
Через базарную площадь
Двинулся грузовик.

И, видно, уж так случается:
Стоит народ, улыбается,
Идет грузовик покачиваясь,
А за грузовиком
Бежит жеребенок площадью,
Бежит, как будто за лошадю,
Копытца гордо подбрасывая,
Помахивая хвостом.

1947

ГОЛУБЬ

Есть мальчишка в солнечном районе.
Он ничем не знаменит пока,
Только в небо запустил с ладони
Белого, как кипень, голубка.

И глядят прохожие, не дышат,
Позабыв на миг свои дела,
На зеленую, как лето, крышу
В синих волнах майского тепла.

Длинный шест над головою гнется,
Тонкий свист летит над городком,
Выше, выше белый голубь вьется
Над мальчишкой в небе голубом.

Виражами ходит, виражами,
Будто весь отлит из серебра,
Даже с дальних улиц горожане
Видят птицу снежного пера.

Видно, что-то им напоминает
Этот голубь, взвившийся в зенит,
А мальчишка этого не знает, —
Запрокинув голову, свистит.

В рубашонке выцветшего ситца,
Озорной, без шапки, босиком, —
И летит душа его, как птица,
Над залитым солнцем городком.

Виден голубь в поле трактористу,
Виден и девочкам за леском,
Как звезда-снежинка в небе чистом
Над одноэтажным городком.

1949

В КИНО

В колхозе, в кино, на экране
Кварталы Берлина горят,
Смертельною нулею ранен,
Споткнулся на крыше солдат.

Мальчишки скорбят и тоскуют
У самой стены на полу,
И им бы вот так же, рискуя,
Бросаться в огонь и во мглу;

Взбираться на купол покатый
(Полотнище флага в огне)
И метить за таджика-солдата,
Как будто за старшего брата,
Который погиб на войне.

Механики и полеводы
В шинелях сидят без погон;

Они вспоминают походы,
А зал в полутьму погружен.
И, как на сошедших с экрана
Лихих легендарных солдат,
Украдкой на ветеранов
Притихшие жены глядят.

Стучит, как кузнечик железный,
Поет в тишине аппарат.
И вот над дымящейся бездной
Встает на рейхстаге солдат.

Взметнулось полотнище флага,
И, словно его водрузил,
Встает инвалид, что рейхстага
Не брал, но медаль «За отвагу»
Еще в сорок первом носил.

Огни зажигаются в школе,
В раскрытые окна плывет
Прохлада широкого поля...
На шумный большак из ворот
Полуторка медленно едет.
Мальчишки за нею бегут.
Кинопередвижку в «Победе»
Давно с нетерпением ждут.

Заката багровые флаги,
И дымный туман над рекой;
Герои Берлина и Праги
С экрана уходят домой.

1950

ЭКЗАМЕН

Побывал я в клубе армейском.
Не бывал я там целый век.
Принимало меня семейство,
Может, в тысячу человек.

«Встать!» — и ветер прошел по залу,
Мне ж хотелось сказать: «Садись».
Повстречали меня сначала,
Будто гость я, а не танкист,

Будто я не того же братства,
Жженный, стреляный, фронтовой,
И неловко мне было в штатском
Проходить сквозь солдатский строй.

На широкой тесовой сцене
Бархат прошелестел и смолк.
И в какое-то вдруг мгновенье
Я припомнил гвардейский полк.

Будто в прошлое настезь двери,
И друзей голоса в ответ:
«Что ж, послушаем и проверим —
Стихотворец ты или нет.

Почитай, мы примем экзамен...»
И читал я им у костра
Под открытыми небесами
Возле Мги стихи до утра.

Снова мне танкисты не верят
И глядят, прищурясь, вослед:
«Что ж, послушаем и проверим —
Ты на деле танкист или нет...»

Нужно им доказать стихами,
Что я брал в сорок третьем Мгу,
Что прицелом и рычагами,
Словно рифмой, владеть могу...

Зал откашлялся, смолкнул, замер...
Понял я: лишь спустя семь лет,
Вот сейчас я держу экзамен —
Стихотворец я или нет.

1951

МАРЬЯ ГАВРИЛОВНА

У Марьи Гавриловны много хлопот:
Днем никогда она не присядет,
Ночью в любое время встает,
Встречает гостей, достает тетради.

Неловко рукой карандаш берет:
«Фамилия... Имя... Отчество?»
И на свободную койку ведет:
Спать ведь, сердечному, хочется.

«Тут и ложись, до утра поспи, —
Шепотом льется речь ее. —
Хозяин койки где-то в степи,
А утро мудренее вечера».

Ветром дыхания ночь полна,
Душная, напряженная...
Льется из окон на лица луна,
Сном до утра смягченные.

Спят инженеры, и техники спят —
Гостиницы маленькой жители.
Посмотрит, как на своих ребят,
Гавриловна на строителей.

Крайний наказывал в пять поднать —
Надо чайку вскипятить заранее.
Плохо стал экскаватор шагать,
Мается парень с шаганием.

Покоя не знает даже во сне,
На узкой койке ворочаясь.
А ходики тихие на стене
Ночь прошивают строчкою.

Одежду упавшую подобрал,
Уложит, чтобы не морщилась...
Мария Гавриловна — зам и зав,
Директор она и уборщица.

Кто как зовет. А только ее
Мамою звать бы надо:
Помоет полы, постирает белье,
Везде наведет порядок.

Не перечислишь даже всего,
Что она за день делает.

Приснилось мне жаркое лето,
Хлеба в человеческий рост
И я — восемнадцатилетний —
В кубанке овсяных волос.

Такой, как на карточке старой:
Без шрамов военной норы,
Еще не выдавший пожаров,
Еще не ходивший в прорыв
На танке гвардейской бригады
По дымному тракту боев,
Еще не писавший в тетради
Ни строчки военных стихов.

Во сне в ту далекую пору
Я глянул с улыбкой, а там
Парнишка с доверчивым взором
Шагал наирямик по полям.

Веселый, счастливый, довольный,
Ничуть не тревожась о том,
Что девушка в садике школьном
Впервые тоскует о нем.

Шагал, не жалея пшеницы,
Шагал, тишины не ценя,
Не слушая песенку птицы,
Что встала у солнца звеня.

На русого мальчика глядя,
Мне так захотелось сказать:
«Вернись к этой девушке в садик,
Ей легкие руки погладь.

На тронку сверни из пшеницы,
Почувствуй, как тихо вокруг,
Послушай залетную птицу, —
Не поздно пока еще, друг».

Но тут же я вспомнил о том, как
Ревел над землею металл,
Как в черных оконных потемках
Я письма твои ожидал,

Как небо казалось оттуда
Спней, чем любимой глаза,

И тишь приходила как чудо,
Когда умолкала гроза,
Как падал я в травы устало,
Не помня уже ничего...

Его впереди это ждало —
И я не окликнул его.

1952

НОЧЬЮ В КАЗАРМЕ

От полов непросохших, до блеска надраенных,
Холодок поднимается, как от реки.
Ходит с саблей дежурный над снами хозяином.
В пирамиде луна побелила штыки.
Снят, вернувшись с наряда, стрелки,
пулеметчики.

Сладок сон им, как дома родимого дым,
Спят, подсунув ладони озябшие под щеки,
На подушках, набитых сеном молодым.
Подобrevшие лица и губы упрямые
Близким отблеском юности озарены.
Есть в нем домик с березкой и старою мамою,
Снятся ночью солдатам гражданские сны.
В этой комнате, если б могли, мы увидели
Реки, горы, долины, дороги в пыли,
Слесарей, трактористов, веселых строителей,
Мирных жителей — добрых хозяев земли.

1952

9 МАЯ 1945 ГОДА

Я помню эту дату в сорок пятом.
Еще война гремела на войне,
А мы, отвоевавшие солдаты,
Ловили рыбу на реке Шексне.

Гребли вдвоем — он левою, я правой,
Вытаскивали сети не спеша.
Под носом лодки расступались травы
И за кормой смыкались, чуть шурша.

Огромный шар поднялся из-за елей
В заре, не догоревшей до конца.
И мы тогда на солнце загляделись,
Не пряча глаз, не отводя лица.

Река неслась, как время, в дымке алой,
Бесшумно отражая небеса.
И ни одной пылинки не упало
Еще на листья, травы и леса.

А в устье, так, что весла гнулись
с треском,
Ворвалась лодка с озера одна,
И в лодке весть на все лады, как песню,
Несли и пели: «Кончилась война!»

Так вот он, мир! И, забыв про сети,
Причалив лодку к берегу, бегом
Мы побежали к людям на рассвете, —
Мы не могли тот день встречать вдвоем.

Багровый флаг горел, кипел над крышей,
И, может, как в семнадцатом году,
К нему народ бежал, ту весть услышав,
Детишек подбирая на ходу.

С пустыми рукавами председатель
Все речь хотел сказать, как будто спеть,
И молча отворачивался к хате,
А слезы было нечем утереть.

Сейчас для нас как символ день
победный,
Победе нашей грозной десять лет,
А он тогда был днем войны последним
И днем начала мира на земле.

Его установили мы, солдаты —
Танкисты, минометчики, стрелки, —

Для всех друзей в том мае, в сорок пятом,
Всем недругам на свете вопреки...

С тех пор не раз цвели сады на свете,
Но мне то солнце утра не забыть,
Оно всем людям мира в мире светит,
И никому его не погасить.

1955

ШЕСТНАДЦАТЬ ЛЕТ ТОМУ НАЗАД

В земле по грудь под Ленинградом
Шестнадцать лет тому назад
Под нулей, бомбой и снарядом
Стоял у Лигова солдат.

По вражьи́м выкладкам беспорным
Он трижды был в тот день убит,
И уцелевшим танкам в город
Был с ходу путь прямой открыт.

С крестом на башне, с пушкой в душу
Пошел, как будто на парад,
До моря потрясая сушу,
Немецкий танк на Ленинград.

А самых храбрых нету рядом:
Они еще с утра легли...
Солдат окинул долгим взглядом
Огонь небес в дыму земли.

Резерв последний полководца,
Один из роты, рядовой,
Как в гимне партии поется —
Не бог, не царь и не герой, —

Он встал на бруствере траншеи,
Зажав гранату в кулаке,
О молодости не жалея,
В разбитом дачном городке.

Ударил столб огня под траки,
И захлебнулся на камнях
Вал бронированной атаки
От Ленинграда в трех шагах.

Примолк железный гул орудий...
Пилоткой пот отер солдат...
А мир считал: случилось чудо
Шестнадцать лет тому назад.

И кто он был — никто не знает,
Не заявил он сам о том.
Но только в сорок пятом в мае
О нем гремел победы гром.

И слава ходит по Союзу,
И подвиг этот не забудь,

А сам солдат пока не узнан,
Пикем в народе не открыт.

Он жив, он с нами рядом. вот он!
И он сейчас наверняка
В трамвае ездит на работу,
Пьет в праздник пиво у ларька.

1957

Человеку холодно без песни.
На земле, открытой всем ветрам,
Я не знаю: в мире место есть ли,
Где не верят песням, как кострам;

Песни на земле не сочиняют, —
Просто рота городом пройдет,
Просто девушки грустят, мечтают,
Да гармошку кто-то развернет.

Белая береза отряхнется,
Встанет под окошками в селе,
Сердце чье-то сердцу отзовется, —
И поется песня на земле.

Как лесам шуметь, рождаться людям,
Ливням плакать, зорям полыхать —
Так и песня вечно в мире будет,
И ее не надо сочинять.

1957

“
РОДИНА

Россия — Родина моя,
Холмы, дубравы и долины,
Грома морей и плеск ручья,
Прими, Россия, слово сына!

Ты стала всем в моей судьбе,
А мне за жизнь свою, признаться,
Как к матери, в любви к тебе
Не доводилось объясняться.

Я только помню черный пал
И полк коленопреклоненный,
Когда он клятвой отвечал
В беде на твой призыв священный.

Я только помню тех ребят —
Безусых, синеглазых, русых,
Что под звездой фанерной спят
В лесах у Мги и Старой Руссы.

Россия – Родина моя!
Есть на земле края иные,
Где шум лесов и звон ручья
Почти такие ж, как в России.

Но небу одному равна
Над головами своей по шире,
Ты первой названа, страна,
Надеждой мира в целом мире.

Россия — Родина моя!
Цвет знамени, цвет ржи, цвет неба —
В них слава древняя твоя
Взлетает с новою на гребень...

В густой траве осколки звезд,
Средь утренней червеной сини
Огонь рябин и снег берез,
Плотин бетонные твердыни...

Я гением горжусь твоим,
Что с правдою навек сроднился,
И ты славна уж тем одним,
Что Ленин у тебя родился,
Что всем народам ты своя,
Россия — Родина моя!

1957

Голос первой любви моей — поздний,
напрасный —
Вдруг окликнул, заставил на миг замереть
И звучит до сих пор обещанием счастья.
Голос первой любви, как ты мог уцелеть?..

Над горящей землей от Москвы до Берлина
Пыль дорог, где отстать — хуже, чем
умереть,
И в бинтах все березы, в крови все рябины...
Голос первой любви, как ты мог уцелеть?

На тесовой калитке снежок тополиный,
Холодок первых губ, как ожог, не стереть...
А года пролетели, их, как горы, не
сдвинуть.
Голос первой любви, как ты мог уцелеть?!

1957

Я в сорок третьем был комсоргом роты,
Был, вел учет и взносы собирал.
И перед боем подо Мгой в болотах
Собраниями начинал привал.
Когда, проверив в сотый раз моторы,
Ребята спали, мы, урезав сон,
Сходились молча без речей, без споров
На пять минут — таков уж был закон.
Лесные комсомольские собранья —
Их посещала родина сама,
Их окружали стывшие в молчанье
Пятидесятитошные грома...
И каждый раз я как комсорг терялся,
Молчал, сигарка догорит пока,
Собрание закрывал и отправлялся
Уже один к секретарю полка.
Комсорги рот, мы все сходились вместе
(А полк уж спал) на целых пять минут,
На пять минут задерживались здесь мы,
А через час ракеты ночь взорвут.

Как дорог сон, как валит с ног усталость,
Но внятером курили мы средь тьмы:
Нам эта привилегия давалась,
И ею честно дорожили мы.

1958

ГВАРДЕЙСКОЕ ЗНАМЯ

**Мы становились на колени
Пред ним под Мгой в рассветный час
И видели — товарищ Ленин
Глядел со знамени на нас.**

**На лес поломанный, как в бурю,
На деревеньки вдалеке
Глядел, чуть-чуть глаза прищуря,
Без кепки, в черном пиджаке.**

**Гвардейской клятвы нет вернее,
Взревели танки за бугром.
Наш полк от Мги пронес до Шпрее
Тяжелый гусеничный гром.**

**Он знамя нес среди сражений
Там, где коробилась броня,
И я горжусь навек, что Ленин
В атаке лично вел меня.**

1958

БЕЛЫЕ НОЧИ

Вы слышали про белые ночи? Слышали?
Как заря полыхает в гранитном канале,
Как мосты поднимают пролеты, как крылья,
И черемухи цветом, как снегом, обильны.
Разве белые ночи бывают? Бывают.
Город отдан влюбленным, нет в нем

равнодушных.

Что такое? Здесь белую ночь открывают!
Открывают, как бал? Нет, скорее как душу.

Рассказать вам, как это бывает,
Как и что происходит при этом?
Кто-то времени ход обрывает
И сближает закаты с рассветом.
Истончается мгла до предела,
Выявляется сущность пейзажа,
Ночь становится призрачно-белой
И слегка розоватую даже,
В парк уходят трамваи поспешно,

Убирают с проспектов машины
И приветствуют юность и свежесть
У дворцов над Невою старинных.
Факелы зажигают на рострах,
Гасят все фонари, и, как в храме,
Все возвышенно, чисто и просто
Говорить начинают стихами.
Вы не верите мне? Вы забыли
То, что некогда вас окрыляло,
Что когда-то влюбленными были,
Что поэзия вас озаряла.
Любям нравятся белые ночи.
Люди не перестали влюбляться,
И ночей этих праздничный почерк
Им в сердца продолжает стучаться.
Светом хлещет он в девичьи очи,
И героев в мальчишках он будит.
Любям нравятся белые ночи,
Люди черные ночи не любят!

1959

Где-то горны еще гремят,
День в крови и пепле багров,
Но кончается век солдат,
Наступает век мастеров.

С этим надо считаться всем.
Стало ясно во всех верхах —
Не удержишь мир на штыках
Даже самых новых систем.

С этим надо считаться всем,
Кто играет еще с огнем,
Шар земной предназначен тем,
Кто для мира живет на нем.

Он недаром сумел расцвести
Под огнями вселенских гроз
В лепестках океанов весь,
Как цветок голубой меж звезд.

1959

В ГОСПИТАЛЕ

По железному карнизу
У больничного окна
Ходит голубь тучкой сизой,
Золотого ждет пшена.

Госпитальная палата,
Запах йода и тоски:
Кормят голубя ребята —
Бывшие фронтовики.

Слабые от операций,
Бледные до зелена́,
Вот уже как лет пятнадцать
Жить мешает им война.

Ветерком двоих качает,
Кто-то стонет, кто-то спит,
Зорькой, цветом иван-чая
Грудка голубя горит.

Он обходит подоконник;
Осторожней, чем к огню,
Тянутся к нему ладони,
Мявшие, как воск, броню.

Веткой синих вен повиты,
Слабы руки у ребят.
Ходит голубь домовито,
Глаз кося, вперед, назад.

Вовсе не эмблема века,
А живое существо
Под защитой человека,
Утешение его.

1959

КРУЖКА МОЛОКА

Гончар на круге деревянном
Ей отдал взмах руки своей,
А после печи цвет каляный,
Пожар малиновых углей.

Огня, воды и глины дружба
Застыла каменным цветком.
Ах, эта глиняная кружка
С парным душистым молоком!

Густым, ромашкового цвета,
Белей любых берез в селе.
Дар утренней зари и лета
На белом скобленном столе.

Под ручку пальцы вдеты снова,
В ладони кружка улеглась.
Глоток — как вдох в бору сосновом,
И вот уж утвердилась связь.

С жарой, где воздух сенокоса,
Звеня, пронзают овода,
С большим зеленым лугом росным,
Где речка стынет, как слюда.

Где женщина по рани первой,
По знобкой рани босиком,
Еще не выспавшись, наверно,
Уже прошла, звеня ведром.

Ах, эти глиняные кружки
С парным душистым молоком,
Как их берут поутру дружно
Детишки, вставшие кружком.

Белоголовы, синеглазы,
В рубашках, стирающих сто раз,
Двумя ладошками, как вазы
Берут хрустальные у нас.

Блестят от соли скипы хлеба.
Сопенье слышится одно,
И не глаза глядят, а небо
Глядит на глиняное дно.

1960

СВЕЖИЙ ХЛЕБ

**Рукав просторный засучив по локоть,
Сжимая пальцы в узел кулака,
Его валяют на столе широком
И бьют его с размаху под бока.**

**Нет, это не обычная работа,
Священнодействием пахнет на столе,
Встречаются здесь грохот обмолота
С порой весенней сева на земле.**

**Полет ладоней яростен и нежен.
Все праздничней крутая пляска рук.
Валяют хлеб на кухне первый, свежий,
Труда и счастья замыкая круг.**

**Дожди и ветры пролились на камень,
Гром прогремел заслонкой, день окреп.
Веснушчат, рыж и кругл, как солнца пламень,
На кирпичах благоухает хлеб.**

О нем звенит считалка, пляшут дети,
Газеты пишут, и в штормáх судеб
Есть мера высших ценностей на свете —
Любовь, как хлеб, и дружба, словно хлеб.

А в кухне окна настежь, пахнет мятой,
Горячей глиной, молоком парным,
Хрустящей коркой, дымом горьковатым
И полевым простором распашным.

На полотенцах петухи горласты,
Белы полы, как на реке песок.
И все предметы к торжеству причастны,
А день просторен, светел и высок.

1960

Кто же первый сказал мне на свете о ней?
Я никак не припомню сейчас.
Может, первый назвал ее имя ручей,
Прозвенел по весне и погас.

Мог сказать бы отец, но я рос без отца.
В школе мать говорила, обучая детей.
Я не слушал, я ждал лишь уроков конца, —
Дома не с кем меня оставлять было ей.

А вокруг только небо, леса и поля,
Пела птица-синица, гуляли дожди.
Колокольчик катился, дышала земля,
И звенел ручеек у нее на груди.

Может, птица-синица, береза в лесах,
Колокольчик с дороги, калитка в саду,
В небе радуга, дождь, заплутавший в овсах,
Пароход, прицепивший на мачту звезду.

Рассказали, как это бывает, о ней,
Но тогда я, пожалуй, был робок и мал
И не знал языка ни синиц, ни дождей...
Я не помню, кто мне о России сказал.

1960

Над полированной рекой асфальта,
То голубой от утренней росы,
То от огней сверкающей, как смальта,
То черной от дождя и от грозы,

Перед щитом с рекламою туризма
Среди потока «ЗИЛов» и «Побед»
У въезда в город, белый словно призрак,
Встает он с камня из далеких лет.

Пред ним цветы разбрасывает лето,
И, всех оттенков радуги, пестры,
Шелков и ситца полные «кометы»
Уносятся на взморье от жары.

А он все поднимается с гранатой,
Рвет гимнастерку на своей груди,
По-юношески легкий, угловатый,
И видит только танки впереди.

1961

Далекое становится все ближе,
Уже Луна — и та доступна нам.
Наука движется вперед и движет
Весь мир навстречу новым временам,
Когда близки любые станут дали
И суть вещей сокрытая ясна.
Но как измерить радость и печали,
Ее вершины и глубины дна.
Но как приблизить, одержав победу
Над бездной, разделяющей собой
Далекий, как созвездье Андромеды,
Мир человеческой души иной?
Расчеты — чушь! И формул тоже нету.
Есть лишь Гомер, Толстой, Бетховен, Дант —
Искусства гениальные ракеты
И новые Ромео и Джульетта —
Любви соединяющий талант.

Они одни ничем не заменимы,
Без них на свете через все года
Немыслимы и неосуществимы
Гармония и счастье никогда.

1962

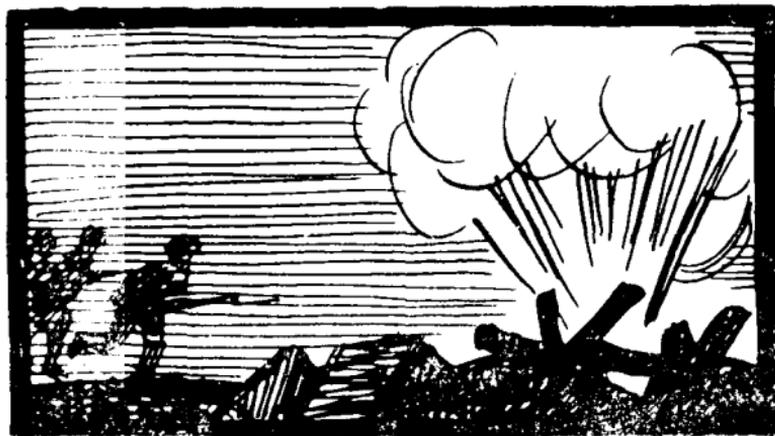

ВТОРОЙ

Дорогу делает не первый,
А тот, кто вслед пуститься смог.
Второй.
Не будь его, наверно,
На свете не было б дорог.
Ему трудней безмерно было —
Он был не гений, не пророк —
Решиться вдруг, собрать все силы
И встать, и выйти за порог.
Какие в нем взрывались мысли!
И рушились в короткий миг
Устои все привычной жизни.
Он был прекрасен и велик.
Никто не стал, никто не станет
Второго славить никогда.
А он велик, как безымянен,
Он — хаты, села, города!
И первый лишь второго ради
Мог все снести, мог пасть в пути,

Чтоб только тот поднялся сзади,
Второй, чтобы за ним идти.
Я сам видал, как над снегами,
Когда глаза поднять невмочь,
Солдат вставал перед полками
И делал шаг тяжелый в ночь.
В настильной вьюге пулемета
Он взгляд кидал назад: «За мной!»
Второй поднялся.
Значит, рота —
И вся Россия за спиной.
Я во второго больше верю.
Я первых чту. Но лишь второй
Решает в мире — а не первый, —
Не бог, не царь и не герой.

1962

ПЕСНЯ О МАМОНТЕ

Вымирали мамонты на свете,
Рыжие, огромные, в шерсти,
И на всей земле, на всей планете
Было некому по ним грустить.

Их никто не ел, никто не трогал их,
Шерсть не стриг с них — зря она росла.
Бивнями тяжелыми дорога их
Сквозь века проложена была.

Были мамонты венцом творения,
Сущего в то время на земле,
Сильные и добрые, как гении,
Только выжить все же не смогли.

То ли изменились вдруг условия,
То ли жить мешала им среда,
Только стала им земля надгробием:
Горы, доли, небо и вода.

Настушило некое столетие —
Полегла царей природы рать.
Каково ж в нем одному, последнему,
Было жить? Не то что умирать!

Тучи шли косматые над чащами,
И, оставшись на земле один,
Их приняв за братьев уходящих,
Затрубил косматый исполин.

Над лесами древними, дремучими
Рокотала скорбная труба.
Тучам что! Они ведь были тучами,
Их не трогала его судьба.

Только эхо в дальних далях дрогнуло,
Из-под ног рванулся зверь в кусты,
Замерли цветы четвероногие, —
Огляделся мамонт с высоты.

Жизнь вокруг вершилась непонятная:
Волки, лисы, тигры, барсуки
Жаркими в лесах мелькали пятнами
И друг друга рвали на куски.

И тогда за тучами бегучими,
Бросив благодатные края,
Он пошел живой шерстнатой тучею,
Чтоб не видеть сущего зверья.

Он пошел от них в пустыню белую,
Как в изгнание, за Полярный круг,
Ничего не прыгало, не бегало
И не мельтешило там вокруг.

Шел, питался вереском и ветками
И дошел до тех равнин вдаль,
Только силы стали очень ветхими.
В сон клонило. Был здесь край земли.

Океан гремел пустыми волнами,
Солнца шар не мог подняться ввысь.
Падал снег, как белое безмолвие,
Уходила из-под сердца жизнь.

Лег он, к небу выставив точеные
Бивни, не бывавшие в бою...
...Через сто веков его ученые
Так и отыскиали в том краю.

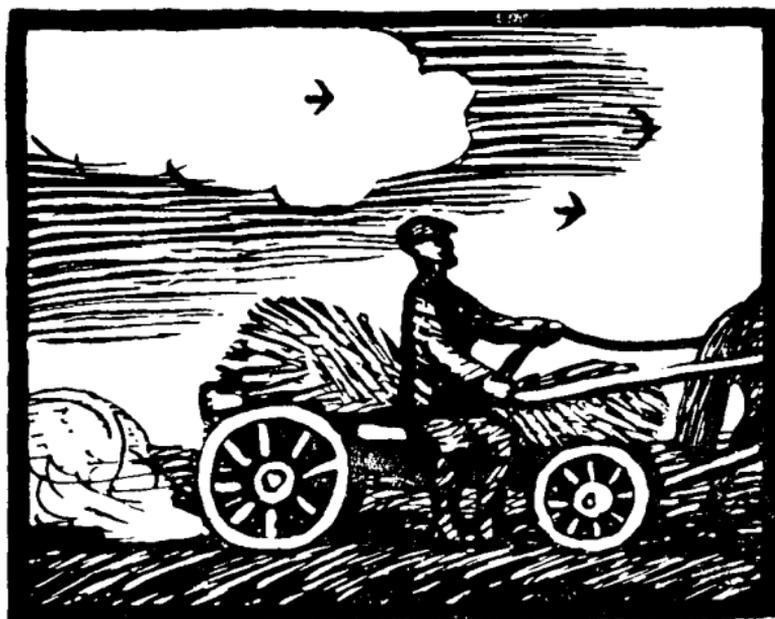
Говорят, что, сытые и рослые,
Живы братья мамонтов — слоны.
Только мне бывает жалко до смерти
Мамонтов
Средь белой тишины...

1963

Кто был изобретатель колеса?
Никто не знает. Все о нем забыли.
В каком краю, когда он родился?
Ни имени не помним, ни фамилии.
А был изобретатель колеса.
Оно в природе не существовало,
Пока на белый свет не родился
Великий гений, неизвестный малый.
Крыло в природе человек узрел
И рычагов машинных сочлененье,
А он на мир не так, как все, смотрел,
Без подражанья мыслил, без сравненья.
Он смастерил однажды колесо,
И покатилось колесо по свету,
А он свернул, должно быть, сигарету
И сам себе воскликнул: «Хорошо!»
Ревели первобытные леса,
На четырех ногах зверье бежало,

Крылами птицы мяли небеса,
Пока он щепочку жевал устало...
Какие нынче в мире чудеса!
Открытия! Им счета нет повсюду.
Но все его технические чуда
Ни в чем не зачеркнули колеса.

1963

МОЙ ЛЕЙТЕНАНТ

Как давно я не ходил в атаку!
Жизнь моя идет в тепле, в тиши.
Где-то без меня встают по знаку
В бой с позиций сердца и души.
Нет, они не стерлись, как окопы
На опушке леса зоревой,
Но давно уж к ним пути и тропы
Заросли житейской муравой.
Жизнь прошла с тех пор,
Не просто годы.
А за ней, там, где огни встают,
В сполохах январской непогоды,
Возле самой смерти на краю,
Скинув молча полушубок в стужу,
Лейтенант в неполных двадцать лет,

Я ремень затягиваю туже
И сую под ватник пистолет.
Больше ничего со мною нету,
Только вся Россия за спиной
В свете догорающей ракеты
Над железной башней ледяной.
Вот сейчас я брошу сигарету,
Люк задраю, в перископ взгляну
Через окуляры на полсвета
И пойду заканчивать войну.
Я ее прикончу вместе с дотом.
Ближним и другим, в конце пути,
На краю земли.
Бело болото.
Только бы его сейчас пройти.
Страшно ли? А как же, очень просто:
С ревом треснет черная броня,
И в глаза поток упрется жесткий
Белого кипящего огня.
Только что в сравнении с Россией
Жизнь моя?
Она бы лишь была,
С ливнями, с мальчишками босыми,
С башнями из стали и стекла.
Далеко-далёко, спотыкаясь,
Черный танк ползет, как жук, в снегу,
Далеко-далёко, чертыхаясь.
Лейтенант стреляет по врагу.

А земля огромна, фронт безмерен,
Лейтенант — песчинка средь огня.
Как он там в огне ревущем верит
В мирного, далекого меня!
Я живу в тиши, одетый, сытый,
В теплом учреждении служу.
Лейтенант рискует быть убитым.
Я — из риска слова не скажу.
Бой идет. Кончаются снаряды.
Лейтенант выходит на таран.
Я — не лезу в спор, где драться надо.
Не простит меня мой лейтенант!
Он не хочет верить в поговорку —
«Жизнь прожить — не поле перейти».
Там друзья, там поровну махорка, —
Я ему завидую почти.
Надо встать, и скинуть полушубок,
И нащупать дырки на ремне.
Встать, пока еще не смолкли трубы
В сердце, как в далекой стороне.
Далеко не все добыты доты.
Время хлещет тяжело, люто, зло,
Только бы сейчас пройти болото,
Вот оно лежит, белым-бело.
Ох, как трудно сигарету бросить,
Глянуть в окуляры лет — и в путь!
Я один. Уже подходит осень.
Может, он поможет как-нибудь?

Добрый, как Иванушка из сказки,
Беспощадный, словно сам Марат,
Мой судья, прямой и беспристрастный,
Гвардии товарищ лейтенант.

1963

Это было все-таки со мной
В день девятый мая, в сорок пятом:
Мир желанный на оси земной
Утвердил я, будучи солдатом.

Пели птицы, радуга цвела,
Мокрой солью заливало щелки...
А земля сожженная ждала,
И с нее я начал, как с опоки.

Начал вновь мечты и все дела,
Села, пашни, города, плотины,
Выбелив на солнце добела
Гимнастерки жесткую холстину.

Это было все-таки со мной.
Для труда, прогулки и парада
Не имел я лучшего наряда
И в рабочий день и в выходной.

**Кто-то за железною стеной
Рабским посчитал мое терпенье,
Что ему сказать? Его с коленей
В сорок пятом поднял я весной,
Начиная мира сотворенье.**

**Шел бетон, вставали корпуса,
Реки переламывали спины,
Домны озаряли небеса,
Плуг переворачивал равнины.**

**Это было все-таки со мной.
С неба на земные континенты
Я ступил, затмив собой легенды,
В форме космонавта голубой**

**Я иду дорогою земной,
Перед солнцем не смежая веки...
Все, что в мире делается мной,
Остается на земле навеки.**

Жизнь, по пословице, не поле,
А были позади поля,
Где столько грома, крови, боли
И на дыбы встает земля.

Но снова, будто не бывало
Их, равных жизни, на пути,
Мы повторяем все сначала,
Что жить — не поле перейти...

Здесь нет ячеек пулеметных,
Не рвутся мины на пути,
Но там хоть бы устав пехотный,
А здесь не знаешь, как идти...

1966

СОЛДАТСКИЙ МАРШ

В этот день гремели марши, марши —
Громогласны, бра́вурны, легки.
Из Берлина воротились наши
Славой осененные полки.
Но не вспомнить всех гремевших песен,
Маршей всех в тот день победный наш.
В этом дне один далекий есть он —
Навсегда запавший в душу марш.
Смолкли трубы сводного оркестра
Громом перекатным по стране,
И возник не медный, не железный
Стук сапог солдатских в тишине.
Он катился по земному шару —
По лесам, по нашням, по траве...
Шли солдаты шагом, шагом, шагом,
Шли по Красной площади в Москве.
Шли без труб, без музыки, без грома,
Словно в чужедальной стороне.
Шли привычно, тяжело, знакомо,

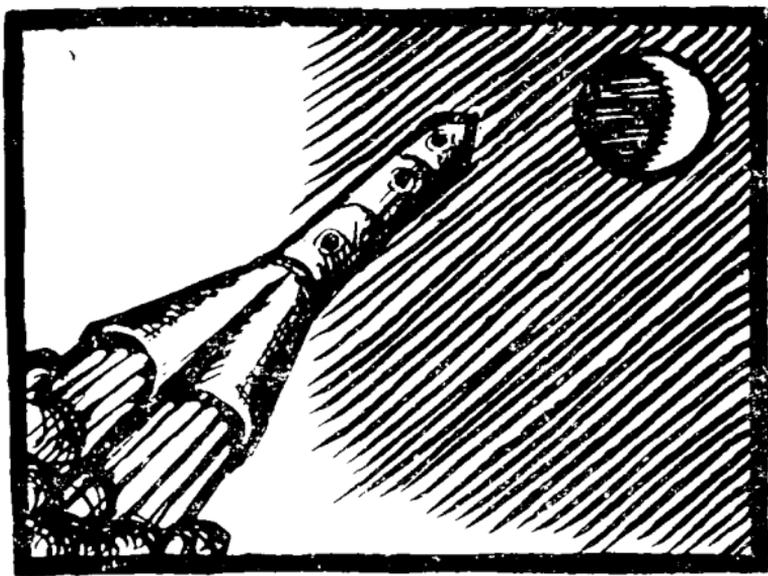
Как четыре года по войне,
Как в походе, как это бывает.
Лишь врывается в шаг нежданно вдруг,
На мгновенье ритм перебивая,
Дерева сухой, трескучий стук.
Словно кто-то сваливал поленья
В кучу с ходу, прямо через борт.
Это к Мавзолею на ступени
Падали штандарты вражьих орд.
Это шли солдаты шагом, шагом —
Ряд за рядом, тысяча рядов.
И бросали стяги, стяги, стяги
Армий, эскадрилий и флотов.
С той минуты по земному шару
Не стихает, помнится, гремит,
Как идут солдаты шагом, шагом,
Как летят штандарты на гранит.

1966

**Вам, мальчики, вам, девочки, вам, юные,
Завидую впервые я сейчас.
Вам предстоит увидеть горы лунные,
Открыть Венеру и ступить на Марс.
К чему скрывать, на ваше поколение
Смотрели мы порою свысока.
Но вышло — во вселенную вселение
Вам начинать от мира сотворения
Впервые предстоит, и на века.
Дорога, на которую вы ступите,
Сама есть цель — пет у нее конца.
На ней вы возмужаете, полюбите
И вечностью проверите сердца.
Никто не может вам сказать заранее,
Как нам никто не смог сказать с вершин,
Какие предстоят вам испытания
На ней, какой свой Зимний, свой Берлин.
С нее вы не сойдете, как в истории
И не сходил доныне человек
С дорог земли тяжелых, им проторенных.**

А звезды дарит вам двадцатый век.
И может быть, с небес, как небожители,
Святые и земные до конца,
Вы спуститесь к иным планетным жителям
И им свои раскроете сердца,
В которых пламя крови штурма Зимнего
И нежность всех садов, что вам цвели.
Вы юные, вы добрые, вы сильные
Сыны Земли и дочери Земли.

1966

В ЭЛЕКТРИЧКЕ

А наши песни остаются,
И в пригородных поездах
Они опять всею поются,
Как мы их пели на фронтах.
Есть на веревочке гитара,
Своя компания вокруг,
И нет на свете песни старой,
И времени замкнулся круг.
Поют ее, как мы певали,
Вдруг повзрослевшие юнцы,
Поют опять не трали-вали,
А то, что деды и отцы,
Когда им было лет по двадцать,
Когда, казалось, тишь и гладь,
А завтра надо призываться,
А послезавтра умирать.
Летит вагон заре вдогонку...
Ах, как натянута струна!
И мы стоим, грустя, в сторонке,
И родина на всех одна.

1967

Опять на старую гляжу
На фотокарточку оттуда,
Где жизнь моя в огне, как чудо,
Шла по стальному рубежу.
Чему он радуется там,
Юнец, мальчишка в гимнастерке, —
Бомбежке, на снегу кострам,
Щепотке рубленой махорки?
Он, улыбаясь, на меня
Глядит из взорванного мира,
В планшете кирзовом храня
Настроенную музой лиру.
Чему он радуется там?
Снаряд шальной, завыв, ударит,
И он не пискнет, как комарик,
А полк уйдет к иным огням.
Гомер гвардейского полка,
Ни жизни, ни любви не зная,
Он может все наверняка,
О чем я не предполагаю.
Возьмет немой пятерней
В горсть переливчатые струны —

И я пред ним замру немой,
Завистливо, как мальчик юный.
Ракета над полком взойдет.
Он эту лиру к черту кинет,
И рейх к его ногам падет
В дыму в поверженном Берлине.
Танкист гвардейского полка,
Мальчишка, искра грозной бури,
На что он там издалека
Глаза улыбочивые щурит?..

1967

БАЛЛАДА О ПАРЛАМЕНТЕРЕ

Армиями оставленный,
Веря в добро и чудо,
Стоит капитан Остапенко —
Один на дороге в Буду.
Друзья его позабыли,
Жизнь его стала былью,
Белой походной нилью
Годы его покрыли.

А за Дунаем синим
С почтою голубиной,
С молниями соборов —
Сахарно-белый город.
Красные трубы Пешта,
Арки мостов чугунных.
Стоит капитан безгрешный —
Русоволосый, юный.

Ревут в сорок пятом танки,
Пламя над всем Дунаем,

А капитан, как ангел,
Городу мир предлагает —
В стираной гимнастерке,
Один, даже без пагана.
Восемь дивизий Хорти
Целятся в грудь капитана.

Годы, праздники, будни
Плывут себе по Дунаю.
Пляшут мальчишки в Буде,
И он им мир предлагает.
Мир секретарше мэра
В руке с угольком помады,
Пенсионерам в скверах,
Памятникам и оградам.

Где-то на дальних реках
Снова бушует пламя...
Мир предлагая веку,
В камень врос сапогами —
Армиями оставленный,
С верой в добро и чудо
Стоит капитан Остапенко
Один на дороге в Буду.

1967

Что знаю я о мире и войне?
Да ничего.
Как в травах льются росы,
Как бьет свинец но танковой броне...
А что еще?
Ты задавай вопросы.

Философ нос наморщит, как Сократ.
Политик соловьем залетя в пенью.
Ты уши раскрывай, он только рад.
Он полон весь глобальных обобщений.

Я знаю лишь подробности одни.
Я ими обожжен и зачарован.
Ты их забудь. Но все же сохрани,
Как найденную некогда подкову.

Когда-нибудь и зазвенит она.
И ты рукой коснешься строчки ржавой.
Есть мир на свете.
Но была война.
И кровью и железом пахнут травы...

1967

Всю жизнь куда-то далеко спеша,
Я близкого чего-то стал бояться.
Вдруг оказалось — у меня душа,
И с нею надо, видимо, считаться.
Она не то что вымысел какой
Питов девятнадцатого века, —
Душа болит! Что делать мне с душой?
Неправда! Ей что делать с человеком?
Что делать ей, мифической, со мной?
Я семьдесят четыре килограмма,
Член профсоюза. Праведник земной.
А лгу и трушу только в крайнем самом...
Но взбунтовалась бедная душа,
Та самая, что еле-еле в теле,
И двинулась, все ложное круша,
Ко мне. Она другой не знает цели.
Меня она за шиворот взяла,
Тряхнула и поставила на ноги:
«Иди, будь тверд, верши свои дела
И знай: горшки из глины лепят боги.

**Вечернее мычание коров —
Деревни нашей древняя молитва —
Хозяек вызывает со дворов,
Ворота раскрывает и калитки.
Они идут. Им улица узка.
Бык впереди, как будто холм горбатый,
А на рогах дожди и облака
Иль чистый пламень тихого заката.
Аркадия, пастушечья страна,
По улице течет живой рекою,
Тяжелые качая вымена —
Колокола домашнего покоя.
Подойники ответно им звенят,
Петух крылом на полотенце машет
Коричневые кринки встали в ряд,
Стол хлебом-солью, как престол, украшен.
Поет струя парного молока.
Вы слышите, как цвинькают синицы
И вспыхивают вдруг издалека,
Из детства залетевшие зарницы.**

Строители дорог и городов,
Солдаты и пилоты космодромов,
Вам всем она с младенческих годов,
Как песня колыбельная, знакома,
Та песенка подойника — без слов,
И руки материнские над нею
У розовых с шерстинками сосков,
Полынью отдающих и шалфеем.
Вы слышите, строители веков,
В местах, ничем другим не знаменитых,
Вечернее мычание коров,
Деревни нашей древнюю молитву?

1967

**Мы, дети природы, забыли природу.
Она нам не враг и не друг.
На лоне ее не бываем по году.
А годы — костры на ветру.
Ревут города нам в притихшие души
Пеоном, бетоном, стеклом.
Ракетные скорости кровь нашу сушат,
И мы забываем о том,
Что где-то на сине-зеленой опушке
Стоят неподвижно дубы.
Там дрема ромашки, там слезы кукушки
И вздох журавлиной трубы.
Там ивовый ирутик, как радуга, гнется
С цветной стрекозой на снине.
И кольца судьбы в деревянном колодце
Негромко звенят в глубине.
Там пахнет полынью медово и горько
От пыльной и теплой земли.
И солище встает за ближайшим пригорком,
А не в космодромной дали.**

Там вечностью веет от крыл комариных,
От ветра мгновенного смол,
От плепанья на землю спелой малины
И тихого рвения пчел.

1967

Стоят в европейских державах неблизких
И рядом с Россией, на Висле и Влтаве,
С армейскою алой звездой обелиски,
Которые год сорок пятый оставил.
Ах, год сорок пятый, великий и святой!
От щедрого сердца, не требуя платы,
Свободу и счастье дарили солдаты,
А сами ложились под холмик горбатый,
А годы меняет земля, как обновы.
А время все мирное длится с рассвета
Четыреста лет не бывало такого
Периода мира в Европе, как этот.
Четыреста лет не бывало ни неба,
Ни солнца такого на Влтаве и Висле.
И белыми сделались ленточки крепа,
И темными стали с звездой обелиски.
Гремит на бетонных дорогах музыка,
Неонные зори сияют влюбленным,
На зимних курортах уменьше языков,

Под флагами наций ревут стадионы.
Все правильно!
Так и хотелось тогда
Идущим до Шпрее, до Вислы, до Влтавы,
Чтоб мир нерушимый сошел на державы,
Где шли они, с боем беря города.
Такого они сокрушили врага,
Такую победу их сталь утвердила,
Что ими оплачены даже снега,
Которые их покрывают могилы!..

1970

Мы говорим, задумываясь редко,
Что время беспощадное течет.
Как на войне — с кем бы пошел в
разведку? —
А думать надо: кто с тобой пойдет?

Да, так и было. Встанешь с автоматом,
Кисет за пазуху — и на народ.
И говорилось: — Кто со мной, ребята? —
И добавлялось: — Два шага вперед...

Все меньше, меньше остается рядом
Товарищей хороших и друзей
Не потому, что падают снаряды
Давно на территории твоей.

Скорей всего, что ты не тот, который
Когда-то был, и в этом вся беда.
Металл заржавел, потрачен порох,
И незачем ссылаться на года.

ВОСПОМИНАНИЕ О ТЫЛЕ

Однажды зимой в сорок третьем
Судьба фронтовая моя,
Как будто наградой отметив,
Закинула в наши края.
В ремнях, в полушубке дубленом
Мне был и мороз — не мороз,
С найком на неделю закопным,
Что выдал румяный начхоз.
Мне письма из дома писали:
«Живем мы неплохо, сыпок...»
Я знал, что не так, но из дали
Представить всю правду не мог.
И, сирывнув на станции Тихвин
С платформы состава пустой,
В вокзале полуночно-тихом
Я встретился с правдой самой.
В нетопленном спящем вокзале
Я в кружку набрал кипяток
И пахнущий хлебом и салом
Тугой развязал вещмешок.

**И я бы поел, только тотчас
Почувствовал, севши к столу:
Две женщины, с матерью дочка,
Проснулись в недалеком углу.
Как на золотистое чудо
В багровой солдатской руке,
Они загляделась оттуда
В стыдливой и скорбной тоске
На хлеб, две проезжих хозяйки,
Что сами его и некли
Для фронта в тылу. Без утайки,
Как только они и могли.
Давно это было, а было...
Стал в горле кусок поперек,
Когда вдруг одна попросила:
«Продайте нам хлеба, сынок...»
Продайте, отнюдь не подайте...
Еще не стара, молода...
Иначе не скажешь, — хозяйка...:
Сама высока и горда.
Я слов благодарных не слушал
С росинками радостных слез,
Оставил недопитой кружку
И выскочил в ночь на мороз.**

Я ее вспоминаю снова
В полушубке солдатском, в каске,
В сапогах пудовых кирзовых,
В давней были, как будто в сказке.
Мины падали, снег сметая,
Обнажая до дна болото.
Кровью на снегу залитая,
Залегла — не встает — пехота,
Ткнувшись в снег головой неловко,
Ни назад, ни вперед ни шагу.
За убитыми, как за бровкой,
Поле ровное, как бумага.
И горит там после атаки
За деревней Гора у леса
Наша рота, все наши танки,
На газойле горит железо.
А она мне встала навстречу,
Головою ткнулась под мышку
И свои подставила плечи,
«Ты держись, — говорит, — братишка.

Ты держись». И скинула каску,
И пошли мы по полю с нею,
С нею, тоненькой и глазастой,
Нос веснушками весь усеян.
Про таких говорят заглазно,
Что ни кожи, ни рожи нету.
Шла она в снегу непролазном
От кювета и до кювета.
Там, где пели нули и мины,
До деревни Гора к танкистам,
Да еще подставляя спину,
Да еще твердила: «Держись ты».
А потом она парабеллум
У меня взяла осторожно.
К рукоятке его прикипела,
Как перчатка, — с ладони кожа.
Постояла возле носилок
И ушла к пехоте без слова.
Это в сорок четвертом было
У деревни Гора под Псковом.

ГАРСИА ЛОРКА

*Художнику
Андрею Мыльникову*

Он убит и зарыт
При дороге в Гранаду.
Там и крест не стоит,
Да и, может, не надо.
Лишь колючки растут
И вдали поднимаются горы.
Совершается суд,
Совершается праведный суд
И не скорый.
Неизвестно деревни название.
Нет холма, где лежит его тело.
Говорят, что в Испании,
Говорят, что в Испании
Было
Совершено это дело.
Даже имя давно
Там на родине всеми забыто,
И молчит она. Но
И молчит, потому что убит он.

Лишь колючки растут
И вдали поднимаются горы.
Совершается суд,
Совершается праведный суд
И не скорый.
Не отринув позора,
Бежит ручеек безъязыко,
Поднимаются горы
В молчанье великом.
И беззвучно гитары
Бренчат в кабачках до рассвета.
Не обходится даром,
Никому не обходится даром
Убийство поэта.

1974

СОДЕРЖАНИЕ

А. Турков. Об авторе	5
Тыква	11
«Всплошную голубым узором...»	12
«Светлый север, лес дремучий...»	13
Осень	14
Ирландская застольная	16
Костер	18
«Погадай мне в этот вечер...»	20
Землянка	22
О счастье	23
Карбусель	24
Перед наступлением	26
Песенка	27
Пыль	28
«Ночь бела, закат идет в рассвет...»	29
Смотровая щель	30
Кукушка	31
Дружба	33
«Песня — что-то вроде костра...»	34
На марше	36
После марша	38
Прощанье с землянкой	39
«Поутру по огненному знаку...»	40
«Идут солдаты, от сапог...»	41
«Его зарыли в шар земной...»	42
Атака на рассвете	43
«Вот человек — он искалечен...»	44
«Облако за месяц зацепилось...»	45
Дергач	46
На привале	47
«Да, не поле перейти...»	48
У сгоревшего танка	49
«А мы такую книгу прочитали...»	51

«Руками, огрубевшими от стали...»	52
«У огня своя архитектура...»	54
«Человека осаждают сны...»	55
Жеребенок	56
Голубь	58
В кино	60
Экзамен	63
Марья Гавриловна	65
«Приснилось мне жаркое лето...»	68
Ночью в казарме	71
Тишина	72
9 мая 1945 года	73
Шестнадцать лет тому назад	76
«Человеку холодно без песни...»	79
Родина	80
«Голос первой любви моей...»	82
«Я в сорок третьем был комсоргом роты...»	83
Гвардейское знамя	85
Белые ночи	86
«Где-то горы еще гремят...»	88
В госпитале	89
Кружка молока	91
Свежий хлеб	93
«Кто же первый сказал мне па свете о ней?...»	95
«Над полированной рекой асфальта...»	97
«Далекое становится все ближе...»	98
Второй	100
Песня о мамонте	102
«Кто был изобретатель колеса?...»	105
Мой лейтенант	107
«Это было все-таки со мной...»	111
«Жизнь, по пословице, не поле...»	113
Солдатский марш	114
«Вам, мальчики, вам, девочки, вам, юные...»	116
В электричке	118

«Опять на старую гляжу...»	119
Баллада о парламенте	121
«Что знаю я о мире и войне?..»	123
«Всю жизнь куда-то далеко спеша...»	124
«Всчернее мычание коров...»	126
«Мы, дети природы, забыли природу...»	128
«Небо лесом огорожено...»	130
«Стоят в европейских державах реблички...»	131
«Мы говорим, задумываясь редко...»	133
Воспоминание о тыле	135
«Я ее вспоминаю снова...»	137
Гарсиа Лорка	139

Для старшего возраста
Сергей Сергеевич Орлов

СТИХОТВОРЕНИЯ

Ответственный редактор *Е. М. Подкопаева*
Художественный редактор *А. Б. Сапрыгина*
Технический редактор *Е. М. Захарова*
Корректоры *К. И. Каревская и Э. Л. Лофенфельд*

Сдано в набор 14/1 1976 г. Подписано к печати 30/VIII 1976 г.
Формат 60×90^{1/2}. Бум. типогр. № 1. Усл. печ. л. 4,5. Уч.-изд. л.
3,83. Тираж 50 000 экз. А14071. Заказ 298. Цена 33 коп. Ордена
Трудового Красного Знамени издательство «Детская литература».

Москва, Центр, М. Черкасский пер., 1.
Сортавальская книжная типография Управления по делам изда-
тельств, полиграфии и книжной торговли Совета Министров
Карельской АССР. Сортавала, ул. Карельская, 42.

Орлов С. С.
0-66 Стихотворения. Иллюстрации
В. Андреевкова. М., «Дет. лит.», 1976.
143 с. с ил.

Избранные стихи для юношества известного
поэта, лауреата Государственной премии РСФСР
Сергея Орлова. Вступительная статья А. Туркова.

70803—554
0 М101(03)76 306—76

Р2

